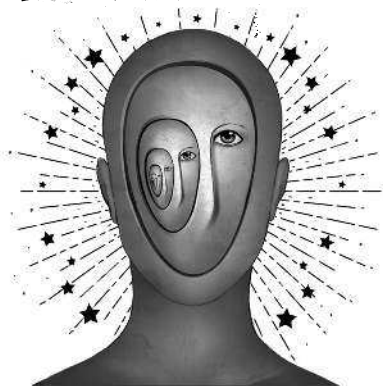

УИЉМ
БЕРРОУЗ

УИЛЬЯМ
БЕРРОУЗ

МЯГКАЯ
МАШИНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

William S. Burroughs

THE SOFT MACHINE

Перевод с английского *В. Когана*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Книга содержит нецензурную брань

Берроуз, Уильям.

Б51 Мягкая машина : [роман] / Уильям Берроуз. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-110622-5

Второй роман великого Уильяма Берроуза — писателя, изменившего лицо альтернативной литературы XX века. Потрясающее и странное произведение, в котором сюрреалистический талант, впервые заговоривший в полный голос в «Голом завтраке», достиг принципиально новых высот.

Нет ничего святого. Нет ничего запретного.

В мире, где нищета соседствует с роскошью, где власть и могущество — более мощные наркотики, чем алкоголь, секс и героин, возможно все.

Уильям Берроуз, творец миров и реальностей, продолжает путешествие по аду, который мы сотворили сами — и назвали раем...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© William S. Burroughs, 1961, 1966, 1968

© Перевод. В. Коган, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-110622-5

СКОНЧАЛСЯ ПО ДОРОГЕ

Дыру я разрабатывал вместе с Матросом, и дела наши шли неплохо — в среднем пятнадцать монет за ночь, прикарманивали дни, дурили рассвет, страна свободы сынов нам была нипочем, вот только вен у меня почти не осталось... Я подошел к стойке за очередной чашкой кофе... пью кофе в «Закусочной Джо», под чашкой салфетка — говорят, верный признак того, что некто подолгу просиживает в кафетериях и закусовых... в ожидании Человека... «А что тут поделаешь? — сказал мне как-то своим безжизненным джанковым шепотом Ник. — Они знают, что мы будем ждать...» Да, они знают, что мы будем ждать...

У стойки сидит паренек с худым лицом, глаза — сплошные зрачки... Сразу ясно, что он давно и плотно подсел, да и страдальческую гримасу эту я уже видел — может, на тотализаторе, где я выруливал одно время чаёк, в серых пластах подземок, ночных кафетериях, арендованном жилище из плоти. В глазах его вспыхнул вопрос. Я кивнул в сторону моей кабинки. Он взял свой кофе и уселся напротив.

Коновал живет неподалеку от Лонг-Айленда... чуткий наркоманский сон, проснуться — и замереть, испугаться, вскочить... все четко и ясно, телевизионные антенны впитывают небо... Часы убежали вперед, а после четырех пополудни так же помчится время.

— Человек опаздывает на три часа... Капуста есть?

— Три монеты.

— Нужно хотя бы пять. У него там вроде бы двойная доза. — Я взглянул на него... лицо миловидное... — Слушай, малыш, я знаю одного покладистого старого коновала, он выпишет тебе как миленький... Вот тебе телефон. Мой голос он просечет на раз.

Немного погодя мне попался один портной-итальянец, ушлый барыга, знакомец по Лексингтону, а у него можно вырулить приличный дозняк героина... По крайней мере поначалу он был приличный, но с каждым разом — все больший недовес... мы и зовем его Тони Недовес...

Оставшись без джанка на болезненном рассвете Восточного Сент-Луиса, он бросился к умывальнику и прижался животом к прохладному фаянсу. Со смехом я небрежно оперся о его тело. Его трусы растворились в прямокишечной слизи и карболовом мыле... летние рассветные запахи с пустыря.

— Я подожду здесь... Меня он просечет на раз...

В тот день пять палок под душем, мыльные пузыри яичной плоти, сейсмические толчки, прерываемые изломами спермовых струй...

Я вышел на улицу, все четко и ясно, как после дождя. В кабинке вижу Сида, он читает газету, лицо — желтая слоновая кость в солнечных лучах. Под столом протянул ему две пятерки. Приторговывает помаленьку, привычка

есть Привычка: *вторжение. разрушение. оккупация.* юные лица в синем спиртовом пламени.

— И пользуюсь спиртом. А вы, ебучие нетерпеливые и жадные джанки, только и знаете, что коптить мои ложки. Мне же за одно это влепят Неопределенный срок — легавым только закопченная ложка и нужна. — Извечный наркотскин трёп. Слабеют джанковые пути.

— Прорвись на свободу, малыш.

Провесь линию гусиной кожи вверх по худой юной руке. Вставь иглу и сдави пузырек, глядя, как все его тело оказывается во власти джанка. Втекай туда вместе с этим дерьмом и впитывай джанк из каждой юной клетки.

Сидит паренек, тело — как у тебя. Сразу ясно, давно и плотно. Я небрежно опираюсь о него на тотализаторе, небрежно оперся о его кафетерий, и его трусы растворились в пластах подземок... и жилищах из плоти... в сторону кабинки... напротив... Человек — портной-итальянец... я знаю капусту. «Мне — приличный дозняк героина».

— Ты собрался слезать? Ну что ж, будем надеяться, тебе это удастся, малыш. Пускай меня паралич разобьет, если я этого не хочу... Я ведь друг тебе, настоящий друг, а если...

Ну а движение все интенсивнее, вваливаются магазинные воришки, ребята с выданным с мясом из автомобиля приемником, волочащие за собой лампы и провода, вваливаются, сверкая кольцами и наручными часами, специалисты по карманам пьянчуг, страдающие на ломках круглые сутки. Швейцар-то был у меня уже вырублен — старый алкаш, — но в такой толпе я долго оставаться не мог.

— Слушай, малыш, ты прекрасно выглядишь. Так сделай себе одолжение, держись. В последнее время мне подалось просто бесподобное дерьмо. Помнишь ту бурую

дрянь, сперва вроде как желтоватую, наподобие нюхательного табака, а в готовом виде — коричневую и прозрачную...

Джанки в восточной ванной комнате... невидимое и неотступное тело сновидений... гримасу эту я уже видел — может... вырुливал одно время или тело... в серых запахах прямокишечной слизи... ночных кафетериях и рассветных запахах наркотского жилища. Три часа по Лексингтону и пять палок... мыльная яичная плоть...

— У него там вроде бы двойная доза отнятия.

— А я-то думал, ты собрался слезать...

— Мне это не удастся.

— *Impossible quitar eso**.

Встал и раскумарился в болезненно-рассветных флейтах Рамадана.

— Уильям, *tu tomas mas medicina?.. No me hagas caso***, Уильям.

Дом в туземном квартале, ставлю палку в запахе пыли; вдоль стен сложены в четырехфутовые штабеля пустые коробки из-под юкодола... смерть на запасных одеялах... девица орет... Врываются *vecinos****...

— От чего она умерла?

— Не знаю, умерла и все.

В Мехико Билл Гейнз сидит в комнате со своей резиновой спринцовкой, а его записка кодеиновых таблеток смолота и лежит в жестянке из-под соды.

«Скажу, что страдаю несварением желудка». Всюду пролиты кофе и кровь, в розовом одеяле прожженные сигаретами дыры... Консул не предоставит мне никакой

* Это невозможно устранить (*исп.*). — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, *примеч. пер.*

** Примешь еще лекарства?.. Не мое дело (*исп.*).

*** Соседи (*исп.*).

информации, только место захоронения на Американском кладбище.

— Сломался? Где твоя гордость? Иди к вашему консулу. — Он подарил мне будильник, и тот еще год после его смерти ходил.

Лейф репатрирован датчанами. Зафрахтованное судно по пути из Касы в Копенгаген затонуло неподалеку от Англии, и с ним вся команда. Помните, как я действую посредством далеких пальцев?..

— От чего она умерла?

— Конец.

— Выясняется, что я делаю кое-какие вещи.

Под конец Матрос скурвился. Повешен своими главарями на двери подвала: «Если выясняется, что я делаю кое-какие вещи, я закрываю лавочку, только и всего».

Хлебный нож в сердце... вытирает и умирает... репатрирован рецептом на морфий... из тех, что из Касы в Копенгаген на специальной желтой нотной бумаге...

— Вся команда сломалась? Где твоя гордость? — Будильник еще год ходил. — Он сидит себе на краю тротуара и умирает: — Эсперанса наябедничала мне на Ниньо Пердидо, и мы отоварили рецепт на морфий... из тех мексиканских наркотических рецептов на специальной желтой банкнотной бумаге... точно билет в тысячу долларов... или увольнение из армии с лишением чинов и права на пенсию... и раскумарились в комнатенке, куда можно подняться по приставной лестнице.

Зов вчерашнего дня, флейты Рамадана: «No me hagas caso».

Пролита кровь на рубахи и свет. Американец волочит за собой форму... Он уехал в Мадрид. Этот ревнивый го-

мик-кубинец застаёт Кики с novia* и вонзает кухонный нож ему в сердце. (Девушка орет. Входят соседи.)

— *Quédase con su medicina***, Уильям.

Полбутылки «Фундадора» после полулечения в Еврейском госпитале. уколы демерола при свечах. Отключили свет и воду. в бумажной пыли мы поставили палку. голые стены. Ищи где хочешь. Бесплезно. *No bueno****.

Он уехал в Мадрид... Будильник еще весь вчерашний день ходил... «*No me hágas cáso*»... скончался по дороге... можно сказать, в Еврейском госпитале... пролита кровь на американца... волочащего за собой свет и воду... Матрос так скурвился где-то в серой плоти... Он сидит себе на нуле... Я кивнул на Ниньо Пердидо, его кофе опаздывает на три часа... Они все уехали и прислали бумаги... Мертвец выпишет тебе как миленький... Входят *vecinos*... Зафрахтованные запахи прямокишечной слизи пошли ко дну неподалеку от Англии, и с ними все рассветные запахи далеких пальцев... Немного погодя я пошел к вашему консулу. Он подарил мне мексиканца после его смерти... Пять раз в пыли мы поставили палку... с мыльными пузырями отнятия, перечеркнутыми тысячью наркоманских ночей... А вскоре полукарты вошли при свечах... *Оккупация*... Слабеют джанковые связи... Держись... Билл Гейне сидит в Желтой Лихорадке... разглядывая непристойные картинки ненадежные как потолочный вентилятор мы дурили рассвет и поставили палку в пошлом запахе прямокишечной слизи и карболового мыла... гримасу эту я уже видел — может, на пустыре... волочащем за собой лампы и провода... «Вы ебучие нетерпеливые и жадные джан-

* Подружка (*исп.*).

** Оставайся со своим лекарством (*исп.*).

*** Бесплезно (*исп.*).

ки!»... захоронение на Американском кладбище. «Quédase con su medicina»... девица орет на Ниньо Пердидо... Они все уехали через дом в туземном квартале... «Получше ты мне ничего не мог написать? Уехал... Можешь искать где угодно».

Бесполезно. No bueno.

2

КТО Я ТАКОЙ, ЧТОБЫ ОСУЖДАТЬ?

Вы не поверите, насколько накалена была обстановка, когда я покинул Штаты... Я знал, что уж этот барыга никакого дерьма при себе держать не будет, он попросту свалит его на конвейер... разольет эту мочу по бутылкам и пустит своим клиентам по обслуживаемому им маршруту десять-двадцать гран сверх того, что поглощает сам, а если легавые их застукают, они запросто выдадут себя за дегенератов... Короче, Док Бенвей оценил ситуацию и выдал такую оригинальную идею:

— Однажды в верховьях Бабуиновой Задницы меня ужалил скорпион... ощущение не так уж отличается от раскумарки... Хммм.

Вот он и импортирует некую особую породу скорпионов, откармливает их металлической мукой, скорпионы приобретают фосфоресцирующую голубую окраску и принимаются жутко вонять, а он говорит: «Теперь надо подобрать достойный сосуд»... Вот мы и выкуриваем из берлоги одного старого нембутальщика, сажаем на него скорпиона, а он вроде как синееет и прямо на глазах раскумаривается до состояния металла... Эти скорпионы

научились перемещаться по радарному лучу и обслуживать клиентов только после того, как Док получал капусту... Пока так и продолжалось, все было на высшем уровне, никакого стрёма... Однако все эти скорпионовые джанки в темноте стали светиться, а не получи они вовремя своей раскумарки — и вовсе превращались в скорпионов... Тут уж запахло жареным, и пришлось сматываться под видом молодых джанки, собравшихся в Лексингтон... Называться мы решили Биллом и Джонни, но имена эти то и дело менялись местами, к примеру, в один день я просыпался Биллом, а в другой — Джонни... Короче, попадаем мы в купе поезда, на ломках нас бьет колотун, в глазах слезы и жжение, и тут как занает у меня в промежности от сексуальной голодухи, наклоняюсь я, опираюсь руками о стену и гляжу на Джонни, а от слабости не могу и слова вякнуть, да это и ни к чему, у него ведь те же дела, он молча окунает мыло в теплую воду, спускает мои трусы, намывает мне задницу, штопором сует в меня член, и мы с ним тут же стоя кончаем, раскачиваясь вместе с поездом под перестук вагонных колес, а струи — струи в медную плевательницу... До Лексингтона мы так и не добрались... Сошли в городке под названием Маршал, наболтали там с три короба одному старому деревенскому коновалу про престарелую мамашу, которая страдает геморроем в самой тяжелой форме, и настойку он выписал как миленький... В тот вечер мы заглянули в бильярдную, Док выиграл дюссенбергскую шляпу-панаму, мазь для загара и щегольские темные очки образца 1920 года, и чем южнее мы оказывались, тем проще было вырливать наркоту, точно мы прицепом тащили за собой двадцатые годы... А в тот мексиканский пограничный городишко мы попали как раз вовремя и увидели кое-что

интересное... Чтобы расчистить место для нового моста, который потом так и не построили, на берегу реки снесли целый квартал лачуг, где железнодорожники-китайцы курили раньше свою черную дрянь, а обитавшие под лачугами крысы на много поколений вперед превратились в наркоманов... Так вот, эти крысы носились на ломках по улице, пищали от боли и кусали каждого встречного-поперечного...

Потом мы отправились на поиски своей машины, так ее и не нашли, нигде ни одной машины, только поезд один остался от старого вестерна... Где-то к северу от Монтеррея колея кончилась, и мы за жестянку грязи выменяли у китайца несколько лошадей... К этому времени то и дело стали появляться солдаты, стрелявшие в мирное население, вот нам и пришлось раздобыть пару комплектов формы времен гражданской войны и присоединиться к одной из воюющих сторон... Мы взяли в плен пятерых солдат, которые носили форму другого цвета, а генерал напился и решил ради развлечения пленных повесить, под сук дерева мы подогнали телегу и наскоро соорудили под ней опускающуюся подставку... Первый упал быстро и чисто, а один из солдат вытер рот, с ухмылкой шагнул вперед, спустил штаны к лодыжкам, и член его толчками поднялся и пустил струю... Мы все стояли, смотрели и целиком были этим поглощены, да и оставшиеся, те, которых еще предстояло повесить, тоже все это переживали... В ту ночь мы реквизировали у одного фермера дом, все напился, и Джонни принялся танцевать — обмотав вокруг шеи галстук, уронив голову набок и высунув язык, он вихлял задницей, а когда спустил штаны, член его толчками поднялся, и солдаты покатались со смеху и хохотали, пока не обоссались с ног до головы... Потом они

наскоро соорудили у него под мышками упряжь, приподняли его, подвесили к балке и хором выебали...

Когда мы добрались до Монтеррея, кругом уже были испанцы в доспехах, точно в историческом фильме, и снова нам посчастливилось прибыть как раз вовремя. На главной площади толпился народ, методом «часа пик» мы пробивались в первый ряд и увидели, что там собираются сжечь на костре какого-то типа... Когда под ногами у него разожгли хворост, только и слышно было, что потрескивание огня, потом все вместе принялись вдыхать запах горелого мяса, душа моя разрывалась от пронзительных криков, губы мои и язык распухли от крови, и я кончил в штаны... Я видел, что и другие выпустили свои заряды, вонь пошла, как от навозной кучи, кое-кто из нас стоял так близко к костру, что от штанов шел пар, все мы набирали полные легкие криков и дыма и еще слегка подвывали... Все это было весьма аппетитно, уж поверьте мне на слово. Короче, мы попали в Мехико перед самым восходом солнца, и я сказал: «Опять мы здесь...» Сердце мое забилося в солнечных лучах, и член принялся пульсировать в том же ритме, и сперма просочилась сквозь тонкие хлопчатобумажные брюки и пролилась на уличную пыль и дерьмо... А ближайший мальчишка ухмыльнулся, подставил задницу, воровато сунул мне руку в карман и пощупал мой член, который был еще жестким на ощупь и побаливал, как после влажного сна... Мы вскарабкались на грязный уступ над каналом и там сотворили три палки — неторопливая ебля на коленях, в зловонии нечистот, с видом на глубокую воду... Как выяснилось впоследствии, у малыша была эпилепсия... Когда у него начинался припадок, он валялся наземь и раз пять кончал в свое тряпье, зрелище это приятно щекотало нервы... Ему и вправду все

это было свойственно, и он сказал мне, что может уговорить одного колдуна поменять нас местами... Вот мы и пустились в путь пешком через горы и вниз по противоположному склону к высоким густым зарослям, теплым и окутанным паром, а у него то и дело начинались припадки, и одно удовольствие было ебать его — во время приступа его жопа дрожала, как вибратор... Короче, заявили мы в эту деревеньку и в маленькой хижине на окраине нашли колдуна... гнусного старикашку с буравящим взглядом елейных глаз... Мы поведали ему о своем желании, он кивнул, оглядел нас обоих и, улыбнувшись, сказал, что ему надо приготовить снадобье, и велел нам прийти на закате следующего дня... Мы и пришли, и он дал нам горькое снадобье в глиняных горшках... И не успел я поставить горшок, как передо мной начали возникать картины, четкие и ясные: возле ирригационного канала повешенный мальчик подтягивает колени к подбородку и выбрасывает в воздух струи, солдаты раскачивают меня на упряжи, сожженный человек пронзительно кричит, как живой, а сердце бьется себе и выбрасывает струи крови в лучах восходящего солнца... В это время Шолотль объяснял мне, что при обмене остается только одно тело, меня надо повесить, а когда я выпущу заряд и умру, то перейду в его тело... Как бы то ни было, я был парализован снадобьем, они меня раздели и отхлестали особой сексуальной крапивой, которая жгла и жалила все тело, язык мой распух и превратился в кляп, кровь застилала глаза... Они наскоро соорудили виселицу с помостом из расщепленного бамбука и приставной лестницей. Подталкиваемый Шолотлем, я поднялся по лестнице и встал под петлей, и он, бормоча заклинания, затянул ее у меня на шее, а потом спустился на пол, оставив меня на помосте наедине с